

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ — ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

С.Г. Кара-Мурза, доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Идеологи российских реформ принципиально отвергли государственный патернализм как одну из сторон социального порядка. Эта установка сохранилась и после ухода Ельцина, что подчеркнул В.В. Путин уже в своем Послании 2000 года: «Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна».

Прежде чем перейти к сути, отметим, что это утверждение нелогично¹. Патернализм **всегда** экономически возможен, он не определяется величиной казны или семейного бюджета. Разве в бедной семье отец (*патер*) не кормит детей? Во время Гражданской войны советское государство изымало через продразверстку примерно 1/15 продукции крестьянства, выдавало 34 млн пайков и тем самым спасло от голодной смерти городское население, включая дворян и буржуев. Это и есть патернализм в крайнем выражении. Сегодня Российская Федерация имеет в тысячи раз больше средств, чем Советская Россия в 1919 году, — а 43% рожениц подходят к родам в состоянии анемии от плохого питания.

Утверждение, будто государственный патернализм «*политически нецелесообразен*», никак не обосновано. Так говорят, да и то на практике не выполняют, только такие крайне правые политики, вроде Тэтчер. А, например, русский царь или президент Рузвельт никогда такого бы не сказали. В чем же тогда сама *цель* государства России, если сохранение разрушающегося общества считается нецелесообразным?

Регулярные обещания «адресной помощи» как альтернативы патернализму есть социальная демагогия. Добиться «адресной помощи» даже в богатых странах удается немногим (не более трети) из тех, кто должен был бы ее получать

¹ Оговорка «всеобщий» патернализм бессодержательна, поскольку речь идет о принципе, который по определению может быть только всеобщим («для всех членов семьи»), но «включается», когда человеку требуется отеческая забота государства.

(например, жилищные субсидии в США получали в середине 80-х годов лишь 25% от тех, кто по закону имел на них право). Проверка «прав на субсидию» и ее оформление очень *дороги* и требуют большой бюрократической волокиты — даже при наличии у чиновников желания помочь беднякам. На деле именно наиболее обедневшая часть общества не имеет ни достаточной грамотности, ни навыков, ни душевных сил для того, чтобы преодолеть бюрократические препоны и добиться законной субсидии.

Поэтому, как говорил премьер-министр Швеции Улоф Пальме, если доля нуждающихся велика, для государства *дешевле* оказывать помощь всем на уравнительной основе (например, через цены или дотации отраслям). Но еще более важна другая мысль Пальме: само оформление субсидии есть символический акт — на человеке ставится *клеймо бедного*. Это — узаконенное признание слабости (и *отверженности*) человека, которое само усугубляет бедность и раскол общества. Напротив, всеобщий патернализм государства (например, общее бесплатное здравоохранение) соединяет общество связями «горизонтального товарищества» и значительно снижает противостояние по линии «бедные – богатые».

Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество — государство и возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе (или с привилегиями некоторым группам, но с высоким уровнем уравнительности). К таким благам относится, например, безопасность от целого ряда угроз. Богатые сословия и классы могли в дополнение к своим общим правам прикупать эти блага на рыночной основе (например, нанимать охрану или учителя), но даже они не могли бы обойтись без *отеческой* заботы государства. Государственный патернализм — это и есть основание *социального государства*, каковым называет себя Российская Федерация.

Формы государственного патернализма определяются общим социальным порядком и культурой общества. Они специфичны в разных цивилизациях. Например, хлеб как первое жизненное благо уже на исходе Средних веков даже на Западе был выведен из числа других товаров, и торговля им перестала быть свободной. Она стала строго регулироваться властью². В XVI веке в каждом крупном городе была Хлебная палата, которая контролировала движение зерна и муки. Дож Венеции *ежедневно* получал доклад о запасах зерна в городе. Если их оставалось лишь на 8 месяцев, выполнялась экстренная программа по закупке зерна за любую цену (или даже пиратскому захвату на море любого иностранного корабля с зерном — с оплатой груза).

Если нехватка зерна становилась угрожающей, в городе производились обыски и учитывалось все зерно. Если купцы запаздывали с поставками, вводился уравнительный минимум. В Венеции около собора Св. Марка каждый горожанин по

---

² Вне Запада так было и раньше. О торговле хлебом в империи Чингис-хана можно прочитать у Марко Поло – уроки XIV века для нас и сегодня актуальны.

хлебным карточкам получал в день два каравая хлеба. Если уж нашим реформаторам так нравится Запад, то почему же они этого не видят? Ведь это — один из важнейших его устоев и источник силы. Попробовали бы там сказать вслух, что патернализм *«политически нецелесообразен»!*

Наши реформаторы учатся у Запада *приватизации*, но не видят того, как на Западе богатые научились уживаться со своим народом. Наши либералы не привержены очень важным либеральным ценностям — или не вникли в их смысл. Ибо либерализм, как выразился сам Адам Смит, отвергает «подлюю максиму хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других»³. При современном капитализме расходы на патернализм огромны. В среднем по 20 развитым странам (они входят в ОЭСР) субсидии, с помощью которых регулируют цены на продовольственные продукты, составляют **половину расходов населения на питание**. А в отдельных странах (например, Японии) дотации в иные годы составляют 80% расходов на питание. И это именно *политически целесообразно*.

Советское общество было устроено по типу семьи, в которой в отношении доступа к *базовым* благам роль отца (*патера*) выполняло государство. Это осуществлялось посредством планового производства и ценообразования, субсидирования определенных производств и полного государственного финансирования производства некоторых продуктов и услуг. В этом заключался советский *патернализм*, который изживается уже двадцать лет. Изживается вовсе не маленький винтик в социальном механизме, который можно оценить по критерию «затраты/эффективность». Устраняется один из важных признаков цивилизации вообще. А если говорить о России, то речь идет о ее специфическом признаке как цивилизации.

Приверженность патернализму советского типа характерна для всех народов, долгое время существовавших в российской цивилизации — даже тех, которые были враждебны России и СССР (как, например, эстонцы и поляки). О поляках и других народах Восточной Европы можно прочесть в⁴.

Об эстонцах (в сравнении с Россией) пишут авторы международного исследования: «Известно, что характерной чертой социализма являлась патерналистская политика государства в обеспечении материальными благами, в сглаживании социальной дифференциации. Общественное мнение в обеих странах поддерживает государственный патернализм, но в России эта ориентация выражена несколько сильнее, чем в Эстонии: 93% опрошенных в России и 77% в Эстонии считают, что государство должно обеспечивать всех желающих работой

---

³ В эпоху «дикого капитализма» была попытка отказаться от патернализма и превратить голод в средство господства, но сравнительно быстро оказалось, что это невыгодно, борьба с бедными обходится дороже.

⁴ *Коровицына Н. С.* С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм-ЭКМО. 2003.

(91% — в России и 86% — в Эстонии), что оно должно гарантировать доход на уровне прожиточного минимума»⁵.

В ходе реформы в Эстонии дела шли относительно лучше, чем в двух других балтийских республиках, Латвии и Литве. Но ведь и в среде эстонцев оценка советской системы в ходе реформы *в целом* улучшалась. Уходило в прошлое состояние политического возбуждения — и начинали действовать именно фундаментальные ценности. Вот результаты исследования, посвященного отношению народов бывших прибалтийских республик СССР к советскому жизнеустройству:

Таблица 1

Отношение латышей, литовцев и эстонцев к советской системе

	Положительно оценили социалистическую экономику			Положительно оценили советскую систему (в целом)		
	1993	1996	2000	1993	1996	2000
латыши	59	74	76	36	41	52
литовцы	75	76	83	46	43	56
эстонцы	53	48	44	32	22	48

Источник: Baltic Media investigaciones. Transition. Tartu University Press. 2002, p. 270⁶.

Это исследование показало, что латыши, литовцы и особенно эстонцы приспособились к новым экономическим условиям (хотя нынешнюю экономику в 2000 г. отрицательно оценивали 51% латышей и 70% литовцев). Но оценка советской системы как целого выросла во всех этих республиках. Изменения в настроениях, которые последуют за интеграцией этих республик в Европейское сообщество, принципиально не меняют дела — это политическое решение Запада не касается подавляющего большинства бывших советских людей.

А.С. Панарин в своей последней книге делает принципиальный вывод: «Сегодня не может быть сомнений в том, что большинство людей, некогда составлявших советский народ, ни за что не отдало бы свою страну в обмен на тот строй и тот социальный статус, которые они в результате получили»⁷. Зачем же власти противопоставлять себя этому большинству? Ведь созревание такого раскола — тяжелая цивилизационная угроза.

⁵ Информационный бюллетень ВЦИОМ “Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения”. 1996, № 6.

⁶ *Симолян Р.Х.* Страны Балтии: этносоциальные особенности и общие черты. СОЦИС. 2003, № 1.

⁷ *Панарин А.* Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКМО. 2006, с. 111.

Она определяется вовсе не личными интересами большинства, она нацелена на мировоззренческую матрицу России как цивилизации. Западные консерваторы видят в государственном патернализме заслон против разрушительного для любого народа «перетекания рыночной экономики в рыночное общество». В любой культуре есть священные (сакрализованные) ценности, наделение которыми не должно регулироваться рынком — их распределяет государство как отец семьи.

Консерватор А. де Бенуа цитирует поэта Шарля Пеги: «Все унижение современного мира, все его обесценивание происходят из-за того, что современный мир признал возможным выставить на продажу те ценности, которые античный и христианский миры считали в принципе непродаемыми». Один из зачинателей институциональной политической экономии Ален Кайе пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно»⁸.

Как же можно не понимать этой опасности в России? Но ведь не понимают! Или делают вид, что не понимают.

В.В. Путин, отвергая политику патернализма, приводит такой довод: «Отказ от нее диктуется... стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких».

Вера, будто погрузить человека в обстановку жестокой борьбы за существование значит «раскрепостить его потенциал», есть *утопия*. На деле все наоборот! Замечательным свойством советского патернализма была как раз его способность освободить человека от множества забот, которые сейчас заставляют его бегать, как белка в колесе. Эта непрерывная суэта убивает все творческие силы, выпивает жизненные соки. Это и поражало на Западе, когда удавалось поехать туда еще в советское время. Так американский философ Ф. Джордж писал в 1984 г.: «Один молодой ученый из Западной Европы, возвратившийся из поездки по США и СССР, описывает людей в Советском Союзе как более счастливых, мягких и сердечных, чем те, которых он встретил в США. По его мнению, это говорит об огромном давлении, оказываемом на жизнь людей в западном мире, особенно в США, по сравнению с относительной простотой существования большинства русских... Интересна проблема: западный мир допустил, сам этого не понимая, многое из того, что делает жизнь более неприятной, более жестокой, превращает в борьбу не на жизнь, а на смерть, когда возможности прибыли сокращаются, а предпринимателей (или назовите их как угодно) оказывается в избытке»⁹.

---

⁸ Бенуа А. де. Против либерализма. // Русское время. 2009, № 1.

⁹ Джордж Ф. После 1984. Перспективы лучшего мира. – В кн. Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986, с. 357.

Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне позволяют человеку плодотворно отделиться творческой работе и воспитанию детей — вот тогда и раскрывается его потенциал. Об этом говорит не только советский опыт, по этому пути с опорой на государственный патернализм пошли Япония и страны Юго-Восточной Азии.

А опыт Российской Федерации показал, что стресс и гонка ведут к росту заболеваний, смертности и преступности — и потенциал человека съезживается.

Очень показательна динамика заболеваемости такой социальной болезнью, как туберкулез, в Белоруссии в сравнении с Россией. Судя по ряду признаков, население Белоруссии в 80-е годы в меньшей степени поддалось антисоветской пропаганде, что позволило республике лучше подготовиться к радикальной рыночной реформе начала 90-х годов и не допустить «шоковой терапии». Став президентом, А.Г. Лукашенко, конечно, не мог быстро изменить весь социальный порядок, но он *декларировал* изменение вектора реформ, в частности, восстановление ряда принципов государственного патернализма. И это оказало на общество оздоравливающий эффект, что и видно на рис. 1.

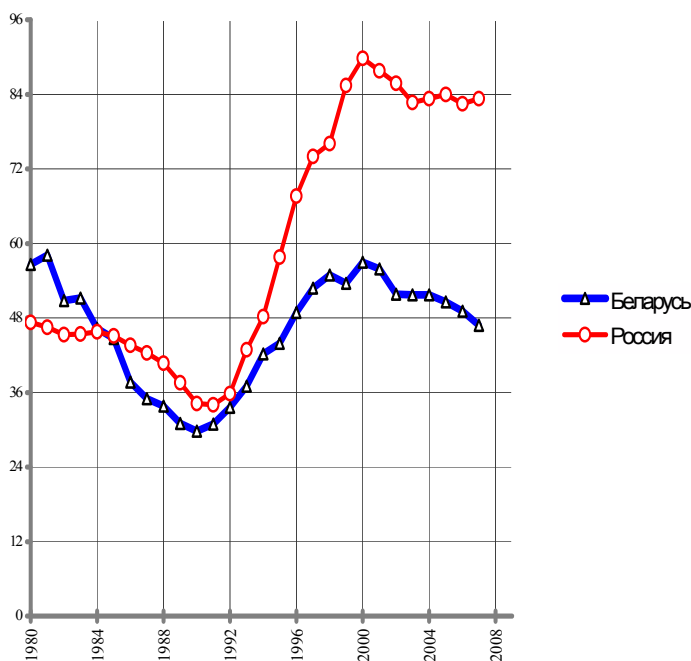

Рис. 1. Заболеваемость активным туберкулезом в Белоруссии и России: число больных с впервые установленным диагнозом на 100 000 человек населения

СССР был обществом, в котором ушли в прошлое страхи, порожденные экономическими и социальными причинами. Люди чувствовали себя под надежной защитой государства, хотя и ворчали на него (или даже тяготились этой защитой, утратив ощущение угроз). Это чувство надежности — следствие государственного патернализма. Произошло «большое» разделение труда между человеком и государством, оно взяло на себя множество тягостных, суетных функций, создало

для них специализированные структуры и считало это своей обязанностью. Это было цивилизационным достижением России (даже великим изобретением).

Жители нынешней РФ живут в атмосфере нарастающих страхов — перед потерей работы или ремонтом обветшавшего дома, перед разорением фирмы или техосмотром старенькой машины, перед болезнью близких, для лечения которых не найти денег. И уж самый непосредственный страх — перед преступным насилием.

Установка на искоренение патернализма — едва ли не самая устойчивая в правящей верхушке России. В статье «Россия, вперед!» (10.09.2009) Д.А. Медведев изложил «представление о стратегических задачах, которые нам предстоит решать, о настоящем и будущем нашей страны». Он сказал: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство... Считаю необходимым освобождение нашей страны от запущенных социальных недугов, сковывающих ее творческую энергию, тормозящих наше общее движение вперед. К недугам этим отношу... широко распространенные в обществе патерналистские настроения. Уверенность в том, что все проблемы должно решать государство»¹⁰.

С коррупцией и сырьевой экономикой все ясно (вопрос только в том, как хитрить «не тащить их в наше будущее»). В этом стратегическом заявлении, видимо, главный смысл как раз в том, чтобы отказаться от патернализма — «застарелой привычки полагаться в решении проблем на государство».

Власть настойчиво представляет «патерналистские настроения» большинства граждан России как *иждивенчество*. Это — поразительная деформация сознания, глубинное непонимание сути явлений. Как может быть народ иждивенцем государства? Похоже, что наши правители всерьез представляют власть каким-то великаном, который пашет землю, добывает уголь, кормит и греет народ, как малое дитя. А ведь «все проблемы решает» именно народ, а государство выполняет функцию организатора коллективных усилий. И предметом нынешнего конфликта в России является перечень обязанностей, которые, согласно сложившимся представлениям большинства, должно взять на себя государство. А оно от этих обязанностей *отлынивает!*

Дискурс власти неприемлемо сужает понятие патернализма, распространяя его только на отношения государства и населения. В действительности народ всегда ожидал от государства *отеческого* отношения ко всем системам жизнеустройства России — к армии и школе, к промышленности и науке. Всё это — творения народа, и им в России требуется забота и любовь государства. В этом срезе отношений государства и народа произошел столь глубокий разрыв, что он нанес почти всему населению культурную травму. Разоружение армии, демонтаж науки, деиндустриализация и купля-продажа земли — все это воспринималось как

---

¹⁰ Медведев Д.А. Россия, вперед! — <http://kremlin.ru/transcripts/5413>.

уход государства от его священного долга. Это не просто потрясло людей, это их **оскорбило**. Возник конфликт не социальный, а мировоззренческий, ведущий к разделению народа и государства как враждебных этических систем.

Высшие руководители государства этого, похоже, просто не чувствуют. Как тяжело слышать, например, такие рассуждения В.В. Путина о критерии, которому будет следовать правительство, оказывая поддержку предприятиям во время кризиса: «Право на получение поддержки получают лишь те, кто самостоятельно способен привлекать ресурсы, обслуживать долги, реализовывать программы реструктуризации»¹¹.

Разве так поступают в семье? Бывает, что в трагических обстоятельствах нет возможности поддержать всех детей. Но поддерживать лишь сильных и богатых — критерий не просто странный, но небывалый. Обычно государство, заботясь о целом, поддерживает те системы, которые необходимы для решения *критически важных для страны* задач. Но именно такие коллективы обычно неспособны «самостоятельно привлекать ресурсы», поскольку ориентированы на проекты с высокой степенью риска и низкой экономической рентабельностью. Можно ли было, следуя изложенному выше критерию, осуществить в США или СССР атомные программы? Можно ли было развить мощную фундаментальную науку? Мы видим, что и здесь государство принципиально снимает с себя обязанность быть главой семьи. Установка «помогать конкурентоспособным» доходит до гротеска. Замминистра образования и науки А.В. Хлунов дает интервью о проблемах науки. Вот что он считает самым важным: «Ее [российской науки] главная проблема — это сложившаяся еще со времен СССР система финансирования. У нас деньги получают институты. Но не секрет, что сегодня в них успешно работают две-три лаборатории. Так вот в идеале именно они должны получать львиную долю бюджетных денег... Хорошо бы расставить приоритеты среди институтов. Что и должна сделать предлагаемая нами система оценок, которая позволит выделить прорывные коллективы и обеспечить их хорошим финансированием за счет тех, кто не очень активен»¹². Чиновник как будто не понимает, что НИИ — это система, а две-три успешных лаборатории — ее видимая для Министерства часть, которая без «незаметных» лабораторий вряд ли и выживет.

В недавнем манифесте группы экономистов, предлагающих экономическую теорию, альтернативную неолиберальной доктрине «Вашингтонского консенсуса», сказано: «Мы не можем обеспечить сколь-либо долгосрочные экономические эффекты, не создав длительно существующую, сильную и жизнеспособную политическую и этническую общность. В этом отношении политические и этнические элементы такой общности должны быть предпосланы экономическим — *даже в решении экономических проблем*. А сколь-либо устойчивая и

---

¹¹ В.В. Путин. Отчета Правительства перед Госдумой 6 апреля 2009 г. — <http://www.rg.ru/2009/04/06/putin-duma.html>.

¹² Российская газета. 14.01.2009.

жизнеспособная политическая общность, в свою очередь, не может существовать, не будучи на практике работающей социальной общностью, которая основана на разделяемых корневых ценностях и сходном понимании справедливости, — короче говоря, которая не является *в то же время* моральной общностью»¹³.

Уход государства от выполнения сплачивающей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узы «горизонтального товарищества» и раскалывают ту моральную общность, которая только и может создать «умную экономику». Это — фундаментальная угроза для России.

---

¹³ Буайе Р., Э. Бруссо, А. Кайе, О. Фавро. К созданию институциональной политической экономики. — Экономическая социология. 2008, т. 9, № 3 (http://ecsoc.hse.ru/data/190/589/1234/1ecsoc_t9_n3.pdf).